

На следующий же день после похорон Тошиаки вернулся к своим обязанностям. Как обычно в 8:20 он припарковал машину на университетской стоянке и в 8:30 уже был в своей лаборатории.

В университете еще никого не было. Тошиаки включил свет и подошел к своему рабочему столу, который был завален листовками и брошюрами от различных компаний, расхваливающих свои новые товары. Из них, как минимум, Тошиаки всегда старался просмотреть англоязычные каталоги векторов для клонирования и цитокинов, но сейчас он был абсолютно не в настроении, поэтому отложил их на полку около стола. Послышался скрип открывающейся двери. Тошиаки поднял голову и оглянулся.

Увидев этого человека, Асакура от неожиданности вытянулась и прикрыла рот рукой. Некоторое время никто не решался заговорить, в воздухе повисла неловкая пауза. Пытаясь подобрать слова, Асакура, будто рыба на суше, только беззвучно открывала рот, а ее взгляд нервно метался по комнате.

Наконец, Тошиаки смог выдавить из себя улыбку и поднять руку в знак приветствия.

— Доброе утро...

Асакура вздрогнула, но, взяв себя в руки, успокоилась.

— Доброе утро! - поклонившись, сказала она с улыбкой.

Неловкость испарилась. Тошиаки извинился перед Асакурой за то, что некоторое время отсутствовал на работе, и поблагодарил ее за помощь в похоронах.

— Прошу вас, не думайте об этом, - ответила она.

— Ну что, твои исследования продвигаются?

Услышав эти слова, Асакура засияла и энергично кивнула головой.

На многих факультетах естественных наук студенты-выпускники принимаются в штат и начинают самостоятельно проводить исследования в той же области, в которой работают их научные руководители. Университет фармацевтических наук не был исключением. На курс Тошиаки по биофункциональной фармацевтике ежегодно назначалось десять студентов. Помимо профессора, в штат входили доцент, ассистент кафедры и два научных сотрудника. К каждому из них были привязаны несколько студентов. В этом году Тошиаки взял под свое крыло двоих. Сдав в первом семестре экзамены, они полностью посвятили себя лабораторной работе. Тем не менее, оба студента в дальнейшем рассчитывали поступить в магистратуру,

поэтому на летних каникулах планировали готовиться к вступительным экзаменам, назначенным на конец августа.

Асакура уже прошла через все это. На протяжении всего выпускного года Тошиаки был ее наставником. Затем, с прежним усердием она продолжила работать с ним уже над своей магистерской работой. Сейчас Асакура была на втором курсе магистратуры и совсем скоро заканчивала университет. На самом деле, ей уже предложили должность в ведущей фармацевтической компании и все, что ей оставалось сделать на данный момент, это собрать материал для своей магистерской диссертации.

— Уровень MOM 19* поднялся, как вы и предполагали, - пустилась в объяснения Асакура, показав Тошиаки распечатку результатов прошлой недели. В первый год магистратуры, ее эксперименты были какими-то неуверенными и неуклюжими, но развитая интуиция и многосторонность сделали из Асакуры настоящего ученого. Ее обоснования были краткими, четкими и основательными, поэтому Тошиаки прекрасно ее понимал.

— Кроме того, клетки, которые вы трансфектировали**, росли очень быстро, так что мне пришлось переместить их. Я имею в виду те, в которые вы ввели ретиноидные рецепторы.

Асакура произнесла эти слова абсолютно спокойно, без всякого акцентирования, но они заставили Тошиаки вздрогнуть от ужаса.

Она знала о других клетках? Он всмотрелся в ее лицо, изучая его и выискивая хоть какие-нибудь признаки, которые могли выдать это. В этот момент дверь лаборатории открылась, и в проеме появился один из выпускников курса, который выглядел совершенно ошеломленным таким неожиданным возвращением Тошиаки.

— Доброе утро, - мягко произнес Тошиаки и начал беседовать со студентом, упуская шанс выяснить, что же известно Асакуре о клетках.

Возможно, именно после разговора с Асакурой, Тошиаки стало легче, и он уже не ощущал такой неловкости при разговоре с другими сотрудниками. Все они склоняли голову и приносили ему свои соболезнования, но в целом все проходило не слишком сентиментально.

— Вам не стоит так скоро выходить на работу. Отдохните еще немного,- сказал ему профессор Муцуо Исихара. Тошиаки поблагодарил его, но отклонил это предложение.

— Честно говоря, вне работы я чувствовал себя еще хуже.

Исихара приподнял бровь.

— Понимаю,- обеспокоенно произнес он. - Только не переусердствуйте.

Той же ночью, после того как весь персонал разошелся по домам, Тошиаки с притворным безразличием вошел в комнату для культивирования, открыл инкубатор и достал оттуда подставку из нержавеющей стали. В колбах с клетками Кийоми не было никаких изменений. Он посмотрел на имя «Ева», написанное на крышке; он выбрал его, потому что день рождения Кийоми приходился на канун Рождества***.

Получив первичные культуры клеток печени, Тошиаки каждую ночь приходил в лабораторию, чтобы проверить их состояние. Где-то в 2 или 3 часа ночи, после того как здание университета пустело, он приходил «проведать» клетки, тихо прокрадываясь и даже не включая свет, абсолютно уверенный в том, что никто не догадается о его тайных визитах. Довольствуясь тусклым светом ламинарного бокса, Тошиаки склонялся над микроскопом и всматривался в клетки.

Он представлял себе, как Кийоми испугалась бы темной фигуры, сгорбившейся над микроскопом в полном мраке глубокой ночи. Она всегда была очень чувствительной: при просмотре телевизионных драм отводила глаза во время сцен убийства или звала на помощь, если какое-то насекомое проникало в дом. Он никогда не рассказывал ей подробности своих экспериментов. Даже еще некоторое время после свадьбы, Кийоми наивно пыталась расспросить Тошиаки об его исследованиях. Он с радостью делился с ней какими-то общими результатами своей работы, но старался избегать разговоров о препарировании крыс, культивировании раковых клеток и бактерий и тому подобном. Он знал, что одного лишь упоминания об обычном введении инъекций мышам было бы достаточно, чтобы напугать ее. Тошиаки также тщательно следил за тем, чтобы при возвращении домой на его одежде не оставалось никаких запахов лабораторных животных.

Но теперь Кийоми сама была в колбе для культивирования. Даже в день похорон, последний раз взглянув в ее лицо, Тошиаки направился сюда, чтобы понаблюдать за Евой. В ту ночь его охватили странные видения, будто Кийоми разделилась и распространилась.

Несомненно, она была чем-то большим, чем просто труп или клетки, находящиеся в его распоряжении. Каждая из ее почек теперь жила в других людях.

— Мне очень жаль, но вы не можете с ними встретиться, - услышал Тошиаки из телефонной трубки.

На несколько секунд он застыл в оцепенении, затем снова принялся умолять.

— Почему? Прошу вас. Всего один раз.

Но женский голос в телефоне твердил, что необходимо уважать конфиденциальность пациентов. Любое такое действие может рассчитываться как вторжение в их личную жизнь.

После долгих раздумий и уговоров не делать этого Тошиаки позвонил в Центральную городскую больницу. Он просто не смог сдержаться после того, как прочитал письмо от координатора по трансплантации Одагири. Письмо было очень вежливым. В нем рассказывалось, что почки Кийоми были пересажены двум реципиентам, и что один из них - четырнадцатилетняя девочка. Далее говорилось об ее благополучном выздоровлении, а также выражалась глубокая признательность от имени всех участников этих операций. В конце письма была приписка, что в случае необходимости Тошиаки всегда может связаться с Одагири, она будет рада помочь ему в меру своих возможностей.

Воскрешенные в других телах, почки Кийоми продолжали свою жизнь. От этой мысли у Тошиаки защемило сердце. Он отчаянно желал встретиться с этими людьми. Он надеялся, во что бы то ни стало, найти признаки Кийоми в тех, кто принял в себя ее дары.

В итоге, ему ничего не оставалось сделать, кроме как принять поражение и повесить трубку.

Конечно, реакция больницы на его просьбу была понятна. Если семье донора разрешить встретиться с реципиентом, то могут возникнуть неприятные конфликты финансового характера. К тому же, если орган, в конечном счете, будет отвергнут телом реципиента, это окажет сильное влияние на всех участников. Лучшее решение - держать обе стороны в неведении о личности друг друга. Это оградит их от ненужных травм и расстройств. И хотя Тошиаки согласился с такой позицией, он все же не стал отказываться от своей идеи.

Он безумно хотел ощутить присутствие Кийоми, несмотря на то, что ее тело уже превратилось в пепел. Но все, что он мог сейчас сделать для удовлетворения своего желания - это рассматривать клетки ее печени. И хотя было уже начало лета, его квартира оставалась темной и ужасно холодной, с тех пор как вынесли гроб.

Прокручивая в голове эти мысли, Тошиаки вернулся к своим обязанностям в лаборатории. Выйдя на работу, он мог в любой момент встретиться с Кийоми, больше не было необходимости скрываться в университетских аудиториях под покровом ночи. К тому же теперь он мог проводить с ней больше времени.

Тошиаки достал из инкубатора еще одну колбу и поместил ее под микроскоп. Затем он включил лампу и прильнул к линзам.

Прокрутив маленькое колесико средним пальцем левой руки и, тем самым, настроив фокус, он смог отчетливо разглядеть клетки Кийоми. На них сформировались выступы, от чего они стали напоминать звезды, приросшие ко дну колбы. Только на одном этом участке находилось около десяти клеток, заполнивших собою все пространство. Тошиаки передвинул стойку, смещая поле микроскопа то влево, то вправо, чтобы проверить остальные ячейки. Он добавил

стимуляторы роста в раствор с первичной культурой, и Ева выглядела живой. Слишком живой.

Исследуя клетки, Тошиаки обнаружил нечто странное. Он прищурился.

Количество клеток увеличилось.

В отличие от раковых клеток, здоровые клетки печени не размножаются так интенсивно. Внутренняя система организма контролирует все клеточные процессы, клетки делятся в определенном количестве и только тогда, когда это необходимо. Раковые клетки этому не подчиняются. При их культивировании достаточно лишь добавить сыворотку, питательное вещество, и они размножатся до краев колбы в течение нескольких дней. Для дальнейшего культивирования необходимо очистить колбу и оставить в ней только часть клеток. Между тем, для того, чтобы культивировать клетки печени, которые изначально обладают слабыми способностями к самовоспроизведению, нужно помимо сыворотки ввести в раствор стимуляторы роста, которые остановят их отмирание. Но даже тогда эти клетки не начинают делиться и размножаться настолько энергично, как раковые. Обычно через несколько недель они, так или иначе, умирают.

Но клетки Кийоми вели себя иначе.

Их слой был плотным, но не однородным. В некоторых местах они скопились, образуя собой маленькие архипелаги, в то время как другие участки пустовали. Своим размножением клетки будто создавали некий узор. Тошиаки не замечал этого раньше. Должно быть, темп их роста с каждым днем увеличивался. Сначала он подумал, что это могли быть фибробласты, которые случайно попали в колбу. Но исследовав формы клеток, он убедился, что перед ним действительно клетки печени.

Тошиаки проверил каждую колбу и пробирку. Везде наблюдались аналогичные признаки роста. Чашки Петри уже были переполнены настолько, что если не перенести клетки, они начнут погибать.

Любопытно.

Ева состояла из обычных клеток печени, которые росли со скоростью раковых. Существовала небольшая вероятность того, что такую аномалию могло вызвать наличие генов, предрасположенных к раку, но у Тошиаки не было никаких оснований подозревать, что Кийоми страдала этим заболеванием. Скорее всего, к нему в руки попал чрезвычайно редкий тип клеток. В этих клетках происходила какая-то уникальная, еще не встречающаяся до этого мутация. Однако установить ее происхождение не составит большого труда.

Тошиаки включил свет в ламинарном боксе и зажег газовые горелки. Он взял из холодильника трипсин и среду для культивирования, следом поставил в бокс еще

запечатанную пробирку объемом на 15 кубиков. И наконец, осторожно поместил туда клеточную пластинку.

Он сел перед боксом и принялся собирать клетки. Их необходимо клонировать. Теперь, когда Ева могла помочь Тошиаки в его исследованиях митохондрий, его одержимость Ею только усилилась. В его голове роилось бесчисленное количество вопросов. Изменилась ли форма митохондрии этих клеток в ходе метаморфозы? Индуцируются ли ферменты бета-окисления? Как насчет структуры ретиноидных рецепторов? Если митохондрия действительно изменилась, именно это повлекло за собой клеточное размножение? Если это так, то каким образом?

Перед его глазами возникло счастливое лицо Кийоми. Большие глаза, слегка изогнутые брови, розовые влажные губы и нежные щеки озарялись лучами ее яркой улыбки. Тошиаки нравилось, когда она улыбается. Он практически слышал ее приятный, мягкий, переливающийся голос.

Он вспомнил их первое знакомство. Кийоми, совсем не привыкшая к спиртному, покраснела от выпитого пива и мило смеялась. Она с неиссякаемым интересом слушала Тошиаки, который весь вечер рассказывал ей о своих исследованиях. Ее любопытство не утихло даже после того, как они начали встречаться. Тошиаки был тронут ее искренним желанием узнать его поближе, хотя иногда ему казалось, что Кийоми слегка ревнует его к работе. В ее голосе слышались нотки одиночества, когда он задерживался в лаборатории до поздней ночи. Он сочувствовал ее страданиям, но и сам был раздосадован тем, что не мог донести до нее, что его любовь к ней и его любовь к исследованиям – это две совершенно разные половинки его жизни. Дело было не в том, чтобы выбрать одну из них. Исследования для него были необходимостью, но Кийоми, казалось, не хотела понимать этого.

Но теперь эти две части стали одним целым. Тошиаки чувствовал в себе необычный подъем и воодушевление. Он одновременно изучал клетки и проводил время с Кийоми.

В тот момент, как он продолжил заниматься контролем размножения клеток, он ощутил легкий озноб.

Тошиаки почувствовал, что Кийоми зовет к его телу. И хотя он не мог встретиться с реципиентами, у него все еще оставались эти клетки. Работая с ними, он мог прикоснуться к Кийоми.

Он позаботится о клетках. Он продлит их жизнь, насколько это возможно, и в ходе исследований получит важные данные. Он знал, что Кийоми была бы за него рада. Он так часто задерживался допоздна на работе, что даже после свадьбы не мог уделять ей достаточно внимания, которого она так заслуживала. Теперь он компенсирует это, отдав всю ту упущенную любовь Еве.

С твердой решимостью он потянулся к следующей колбе.

* Многие митохондриальные белки кодируются генами ядерного генома. Для введения их в митохондрию необходим MOM 19 - протеин в митохондриальной мембране.

** Трансфектировать - инфицировать клетку генно-инженерной конструкцией

*** Eve / Ева, тут имеется в виду Christmas Eve (англ.) – Сочельник, канун Рождества.

<http://tl.rulate.ru/book/18422/448553>